

УДК 32:2

Православие и социально-политическое знание

В. И. Шамшурин

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

На основе комплексного анализа в данной статье выводятся социологические корреляции духовных аспектов миссии православия и политического знания в контексте авторской проекции гносеогенеза.

Ключевые слова: православие, социальные отношения, церковь, социология православия, аксиология православия, социально-политические науки, ценности, культуры, религия.

Главная задача справедливости – в том, чтобы никому не наносить вреда, затем, чтобы пользоваться общественным как общественным и личным как личным.

М. Т. Цицерон

Мы родились не только для себя, и поскольку на наше существование притязают отчасти наше отечество, отчасти наши друзья, то справедливо служить общим интересам, обмениваться услугами, давая и получая, и знаниями, и своими трудами и способностями накрепко связывать человеческое общество.

Платон

Православие – это религия *личного* спасения, а не коллективного ритуала. При этом спасение носит характер исцеления, а не риска, конкуренции и борьбы за успех с социально-обрядовой, пространственно-временной, чувственно-фетишистской спецификой. В связи с этим изучение социально-политическими науками состояния духа и научные результаты таких исследований могут быть недостоверными. Хотя бы потому, что только в последнее время в них стали обращать внимание (и то не всегда) на личную позицию исследователя, влияющую на истолкование получаемых данных. В православии же – покаяние, смиренномудрие как повышенный авторский критицизм по отношению, прежде всего, к собственной позиции (поступкам, помыслам, эмоциям, ролям, статусам) – это необходимейшее условие и творчества, и спасения. Более того, без этого, считал Исаак Сирин, все напрасно. Даже добродетели и направленные для их достижения труды. Родовая ответственность, «круговая порука», если речь идет о любых других проявлениях

социальных отношений с их ролевыми и статусными позициями, – это проявленные социальные отношения. Они и есть зона ответственности социологии, которая и была во многом призвана изучать «человечество», «мир» с его ветхими страстями, тленными скорбями, соблазнами, искушениями и грехами, рождающими ошибочные, с религиозной позиции, роли, статусы и отношения. Но, как говорили Отцы церкви (например, Петр Дамаскин), «как спастись от мирских скорбей, если их не знать?». Следовательно, социологически изучать православную традицию и ее проявления можно и должно. При этом не нужно вставать на рельсы католицизма и протестантизма с их социальной работой и заменять церковь на «хоспис» или любое другое благотворительное учреждение и попытаться построить земной рай в виде светского государства с церковной символикой. Или же вставать на путь высокомерного аскетизма и отгородиться от «грешного» общества монастырскими стенами, превратив «общину верных» в «теплицу-резервацию», как, допустим, в буддизме. В святоотеческой восточно-христианской традиции Отцов церкви ни то, ни другое – неприемлемо. Первое – арианство. Второе – иллюзионизм, докетизм, гностицизм. Реальный путь социологии православия – «гармония-симфония» горнего и дольнего, земного и небесного, когда и об одном надо помнить, и о другом не забывать. Петр Дамаскин выразил эти мысли очень четко: «Дитя вовсе не заботится ни о чем, считает себе тягостию подчинение родителям, и если бы не было необходимости в пище и не понуждала природа, то никак бы не вело себя благоразумно. Тот же, кто желает наследовать Царство Небесное и не терпит постигающих его скорбей, оказывается еще больше неразумным» [1]. Каковы же эти «скорби» и «трудности»? Чего должен остерегаться исследователь, углубляясь в *социологию православия*?

В православном богословии, например, постоянно предлагается помнить о «прилогах помыслов». Само по себе суждение или мысль о «добром» или «злом» не заслуживают ни награды, ни наказания. А вот как мы соглашаемся или не соглашаемся, когда боремся или не боремся, «приклоняемся» к определенному решению, направляем себя к исполнению ошибочного решения, т. е. греха, – это важно. Как всегда, любые ошибки, конечно же, будут предприниматься с самыми благими намерениями. Здесь действительно востребована особая наука. Наука – и как учение, и как социальная работа, находящаяся в постоянном применении к «немощи» и «жестокосердности» мира. В этом, последнем, т. е. конклюдентном смысле, социология православия должна иметь политико-правовые свойства.

Право является сводом определяющих социальные отношения и управляющих ими уполномочивающих норм, дающих, в совокупности, законы, которые, в свою очередь, дают институциональное оформление в виде учреждений, осуществляющих те или иные нормы и законы, с той или иной степенью интенсивности и успешности. Сам процесс такого рода «осуществления» и является политикой.

Аксиология («достойно есть» – греч. *αξιος*) как ценностно-художественное определение чего бы то ни было, в том числе и политики, и права, вносит в эти понятия *нравственный* и *моральный* смысловой обертоны.

Речь идет о существующих в той или иной культуре *стандартах* личных и социальных взаимоотношений между людьми или об осознании данных стандартов в виде сводов, совокупностей философско-этических представлений. Между правом, политикой и моралью много общего. Это, прежде всего, императивы, но не абстрактно-созерцательные (как, допустим, в логике или в математике), а «деятельностные», поведенческие требования повелительного наклонения с принудительно-карательными последствиями и санкциями – со стороны государства (право и политика); или со стороны гражданского общества (нравственность и мораль). В первом случае – императивы, процедурно и процессуально выверенные и декларируемые в документах и практике управленческой деятельности государственных институтов; во втором – существующие в негласной, т. е. устной, традиции общественного мнения, не всегда четко осознанные, выраженные, но не менее строгие, если знать, допустим, специфику дресс-кодов, правил поведения, обычаев, традиций, привычек, представлений, определений дозволенного и недозволенного в разного рода культурах, этносах, официальных и неформальных, маргинальных социальных группах, разного рода организациях. Это именно то, что и называется нравами (и основанной на них нравственностью), соответственно, оценивающими и разделяющими мысли, слова, поступки, волеизъявления, чувства, поведение людей на дозволенные и недозволенные. Подобно праву и политике, в нравственности и морали есть регуляторы в виде запретов и разрешений, должного и недолжного. Прерогатива морали и нравственности в том, что здесь, помимо вышеуказанных, есть регуляторы «достойное – недостойное», «честное – вероломное», «благородное – подлое», «прекрасное – безобразное», «возвышенное – низкое», «духовное – бездуховное», «доброе – злое». Поэтому особо следует отметить существенное отличие морали от права и политики: аксиологическое, оценочное, художественно-поэтическое, образно-личностное начало, в любом случае отличное от бесстрастия преобладающей аподиктичности, формальности права и политики. Другими словами, всего того, что называется холодным юридизмом, который с особой осторожностью и уж, по крайней мере, не столь безапелляционно, как это принято в области морали, прибегает к парным терминам «хорошо – плохо», «честно – бесчестно», «достойно – подло». И даже – «справедливо – несправедливо». В любом случае аксиологическое измерение права и политики происходит от нравственности и морали, но никак не наоборот.

В чем суть права как именно компендиума уполномочивающих норм? Начиная с «*Legis duodecim tabularum*» (Законы 12 таблиц – лат.), римское право (это – «наше все» в праве и политике) четко настаивает на неотвратимости и необратимости рассудочной оценки последствий во всем, что касается людей и вещей. Право, по М. Т. Цицерону, состоит в том, что «каждый наш поступок должен быть свободен от опрометчивости и небрежности, и мы не должны совершать ничего такого, чего мы не смогли бы оправдать» [2]. Другими словами, право – предсказуемая деятельность, осознанное поведение, обдуманное действие. Точнее, дадим такое итоговое, исходящее из римской правовой традиции определение, – это «совместная жизнь людей» по

договору, который должен соблюдаться несмотря ни на что. Управление здесь в виде «института суда» выносит такой вердикт справедливости – это «сличение деяния» с соответствующей «нормой-законом», с последующим вынесением решения.

Не таковы нравственность и мораль. Здесь самое существенное – это именно эмоции, порывы, так сказать, «драматургия сердца», а не холодного разума. Отсюда – бóльшие, чем в праве, опасности предубежденности, пристрастности, субъективности. Любой регулятор общественного мнения в его морально-нравственном измерении при всей его неоднозначности, а, порой, и неопределенности, однозначен и определен хотя бы в одном отношении: он либо плох, либо хорош. Либо это безусловное осуждение, либо безоговорочное одобрение.

Политика и право тоже неоднозначны, как и мораль, но в другом отношении. Любой политико-правовой документ – это одновременно и разрешение, и запрещение. Например, наказание провинившихся означает снятие подозрения со всех остальных. Право же государства на легитимное насилие как неотъемлемая часть внутренней и внешней политики ставит, вне всякого сомнения, под вопрос ключевое допущение морали о неприкосновенности и самоценности человеческой жизни. Любой руководитель (или политик) знает и всегда готов и к неблагодарности со стороны выигравших, и к обидам со стороны обделенных. Сейчас, в связи с распространением в общественном сознании прежде всего морали гедонизма и потребления («живем один раз»), консюмеризма, а не альтруизма в духе христианства, когда плоть – выше Духа, настаивать на первенстве морали в политике и праве – методологически, да и практически, просто не дальновидно. Морализаторство в политике и праве, без того, что в православии называется «умным деланием» – опасно и заканчивается, чаще всего, экстремизмом и радикализмом.

Есть, к примеру, и другие опасности: «социальная деятельность без объекта». Вот почему. С юридической точки зрения любое научно-культурное мероприятие в общественной жизни, если оно несет в себе, так сказать, «светско-сотериологическое» значение, – это сомнительное мероприятие с неясными последствиями. По остроумному определению Б. Н. Чичерина, остается одно: для интеллигента, который вне политики, – ругать правительство и стремиться к «возвышенным» идеалам. Такого рода умонастроения, по определению, влекут за собой революционно-конспирологическую, контрпродуктивную, подрывную деятельность, в основе которой – «борьба – двигатель прогресса и истории», а не «стяжание даров Духа мирна и Святаго»... Повторяю, очень опасна рефлексия над деятельностью, особенно деятельностью социальной без объекта, т. е. наличия самой деятельности со стороны носителя рефлексии. Деятельность все равно будет, но аномийная. «Нет никаких продуктивных общественных реформ вне государства» – считал Б. Н. Чичерин. «Дайте непримиримой оппозиции хотя бы 2 % власти и у вас не будет непримиримой оппозиции» – полагал Р. Даррендорф. Будем помнить об этом, в том числе, и говоря о социологии православия.

1. *Преподобный Петр Дамаскин.* Творения. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009, С. 305.
1. *Rev. Damascus P. Works.* The Holy Trinity. – St. Sergius Lavra, 2009. – P. 305.
2. *Цицерон М. Т.* Об обязанностях / М. Т. Цицерон. – М. : АСТ, 2003. – С. 158.
2. *Cicero M. T.* On obligations / M. T. Cicero. – M. : AST, 2003. – P. 158.

Orthodoxia and Social-Political Sciences

V. I. Shamshurin

M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

Based on the integrated analysis this study concludes sociological correlations of spiritual aspects of the Orthodox mission and political knowledge throughout author's concept of gnocio-genesis projection.

Key words: Orthodoxy, social relations, the Church, sociology of orthodoxy, axiology of orthodoxy, social-political sciences, values, cultures, religions.

Шамишурин Виктор Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой социально-политических наук МФТИ; член Имперского Православного Палестинского Общества, 125493, г. Москва, Кронштадтский бул., 17-124, тел. 9392442 (МГУ), 4084681 (МФТИ), e-mail: shamshuriny2@mail.ru

Shamshurin Viktor Ivanovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Department of Philosophy of Politics and Law, the Faculty of Philosophy, the Moscow State University of M. V. Lomonosov, Head of the Department of Social-Political Studies, MIPT; member of the Imperial Orthodox Palestine Society, 125493, Moscow, Kronshtadsky boul., 17-124, phone 9392442 (MSU), 4084681 (MIPT), e-mail: shamshuriny2@mail.ru